

Идеология и экономические реформы

В последнее время на смену господствовавшим недавно концепциям о деидеологизации экономической жизни приходит представление о том, что успешное реформирование экономики должно опираться на прочный идеологический фундамент. Анализом этих проблем занимается группа ученых Института международных экономических и политических исследований РАН (при поддержке Российского гуманитарного научного фонда), возглавляемая заместителем директора института доктором экономических наук Рубеном Евстигнеевым. Участники этой группы собрались за «круглым столом» журнала, чтобы обсудить волнующую их тему. Среди них — доктор экономических наук Иван Буздалов, Павел Кулигин, Андрей Нестеренко, кандидаты экономических наук Геннадий Аристов, Валентина Голубева, Марина Дерябина, Людмила Тягуненко, аспирант института Андрей Русаков. Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены редактором отдела социально-экономических проблем журнала Наталией Плискевич.

Нужна ли реформам идеология?

Р. Евстигнеев. Хотим мы этого или нет, но любое изменение в хозяйственной системе имеет идеологическую окраску. Поэтому все наши воинствующие прагматики, апологеты «здравого смысла» и т. п., по-моему, просто лукавят или на самом деле не понимают, что занимают страусову позицию, отказываясь видеть идеологическую подоплеку тех или иных решений. Невольно приходишь к мысли, что сам лозунг деидеологизации сильно идеологизирован. Думаю, что идеология как кристаллизация массового сознания необходима, с одной стороны, для уяснения смысла происходящих в обществе процессов, а с другой — для мобилизации на ее основе наиболее социально активных членов общества. Поэтому было бы интересно обменяться мнениями о месте идеологии в процессах хозяйственного реформирования, идущих и в России, и в странах Восточной Европы, попытаться понять, какая идеология стоит за экономическими преобразованиями.

А. Русаков. Мне кажется, тему эту обсуждать сейчас весьма затруднительно, ибо мы еще не вполне осознали произошедших за последнее десятилетие сдвигов в нашем понимании «идеологии», «идеологического», а тем более воздействия этих сдвигов на наше отношение к проблемам реформирования вообще и к нынешним экономическим реформам в частности. Сами эти сдвиги легче всего, по-моему, проследить на примере дискуссий о социализме и марксизме времен перестройки. Исходная постановка вопроса, породившая дискуссию и одновременно обескуражившая все научное сообщество, состояла в том, что успех решения задачи реформирования, собственно «перестройки», был связан не столько с отказом от прежней идеологии и поиском новой идеологии, заменой или усовершенствованием старой, сколько с «деидеологизацией». Такая постановка вопроса, связывающая определенным образом «идеологию» и «реформы», означала, как я думаю, определенный сдвиг в привычном понимании «идеологии».

Если говорить о существовании этого сдвига, то прежде всего я бы отметил тот момент, что в конце 80-х годов под лозунгом деидеологизации фактически был провозглашен *возврат к идеологии радикализма*. Произошел не «отказ» от иде-

ологии социализма или марксизма (исповедование их партноменклатурой было тогда уже чисто формальным), а именно «возврат» к радикализму. Под этим я понимаю сознательную или не вполне осознанную попытку реартикулировать в современной социально-политической ситуации мотивы, которыми руководствовались группы интеллектуалов, получивших в первой половине XIX века наименование «социалисты» и «коммунисты». Вспомним, что изначально так называли тех, кто выдвинул на повестку дня задачу коренного преобразования общественной жизни. Так же и команда М. Горбачева (хотя она и ассоциируется прежде всего с «социалистической» риторикой) выдвинула на передний план общественной жизни именно идеологию радикальных перемен.

Как известно, по своему содержанию идеология радикализма противостоит идеологиям катастрофизма и фатализма, а также и анархизма. В отличие от них она ставит специальную задачу по преобразованию всех форм общественной жизни, поскольку исходит из осознания того факта, что эти формы переживают кризис и движутся к своему распаду и разложению. Так, в начале XIX века речь шла о кризисе институтов церкви и монархического государства. Сегодня к этому добавляется кризис институтов, созданных за последние несколько десятилетий политикой разного рода «священных союзов», военных коалиций, блоков периода «холодной войны», времен колониальной и неоколониальной политики, институтов «современного государства» и разного рода «международных организаций». Горбачев и его команда, по-моему, достаточно четко указали на обширный кризис страны, сделавший безжизненной и недееспособной всю систему государственной власти и управления, который распространился на различные социальные группы и сферы деятельности, вызывая их деградацию и деморализацию.

Исходя из такого диагноза, радикализм прокламирует задачу преобразования всех общественных порядков, общественных институтов, включая и институты государства и базирующиеся на них международные организации. Он обосновывает такую задачу необходимостью и даже неотложностью решения «фундаментальных», «жизненно важных», «коренных» проблем, которые вне всеобъемлющего комплексного подхода не разрешимы в принципе. Как правило, в таком контексте речь идет о сложном комплексе политических, социальных и экономических проблем, в рамках которых государство само становится одной из «неотложных проблем». В конце 80-х годов у нас произошел «исторический выбор» (и настаивающий на этом Горбачев прав). Но суть выбора — в принятии идеологии радикализма, и выбор этот за прошедшие годы был неоднократно подтвержден. Он был подтвержден также правительствами и общественностью стран Запада: фактом окончания «холодной войны» и распада СССР.

Поэтому я думаю, сейчас нет необходимости ставить вопрос о формулировании «новой» идеологии, которая подразумевает, что общественность находится в «деидеологизированном» состоянии. На мой взгляд, идеология уже есть, и именно поэтому созданием новой идеологии никто, по сути, не занимается. Думаю, на повестку дня целесообразно поставить задачу артикуляции идеологии радикализма в современной историко-политической ситуации. Начать нужно с исследования наиболее исторически близкого и понятного, т. е. с марксизма и (шире) социализма, как предшественников современных версий идеологии радикализма.

А. Неетеренко. А нужна ли вообще рыночным реформам идеология? Такой вопрос естественно приходит в голову, когда слышишь частые призывы не сковывать себя жесткими рамками определенных идеологических схем и руководствоваться сугубо прагматическими критериями, т. е. реальной отдачей от тех или иных мероприятий. Подобную точку зрения породили, очевидно, два обстоятельства. Во-первых, трудный и крайне болезненный ход нынешних российских реформ, за которыми большинство специалистов и просто обывателей видят претворяющуюся в жизнь идеологию экономического либерализма, «монетаризма» (обоснованно или нет — другой вопрос). Во-вторых, у большинства

наших сограждан после многих десятилетий жесткого духовного подавления произошло психологическое отторжение любой идеологии.

Однако такие масштабные процессы, как хозяйственные реформы посткоммунистического периода, не могут проходить без идеологического обеспечения. Идеология позволяет более широко видеть цели и средства экономических преобразований, нежели узкий прагматизм, а следовательно, дает возможность планировать, рассчитывать и предвидеть результаты реформаторских усилий хотя бы на среднесрочную перспективу. Только идеология может ответить на вопрос, ради чего проводится реформа.

Если в обычной обстановке социально-экономическое развитие, как правило, совпадает с господствующей идеологией, то в переломные эпохи возникает острое столкновение различных идеологий. При этом вопрос о том, какая же из них «лучше», т. е. больше отвечает потребностям конкретной эпохи, может решаться исходя из двух подходов. Во-первых, абстрактно-теоретического, опирающегося на умозрительные «идеальные» теории реформирования общества и экономики. Во-вторых, исторического, исходящего из традиций и специфики развития каждой страны. При этом, казалось бы, «инструментальность» идеологии и ее приемлемость должны совпадать. Однако на практике между эффективностью идеологии и ее приемлемостью как для населения в целом, так и для властей, возможно значительное расхождение.

Примером может служить наша история. Вплоть до конца 80-х годов социалистическая доктрина как господствующая идеология признавалась подавляющим большинством граждан отнюдь не только вследствие мощной пропаганды. Здесь свою роль играли в немалой степени государственно-бюрократические и уравнилельные традиции России. Что же касается «работоспособности» этой доктрины, то ей свой приговор уже вынесла история.

На мой взгляд, наиболее эффективной идеологией посткоммунистической трансформации является либерализм. Однако потенциальная его «работоспособность» в современных российских условиях наталкивается и на имеющиеся в стране глубокие корни идеологические установки, которые, по сути, блокируют его созидательный потенциал.

В. Голубева. Зададимся вопросом: почему к началу реформ все восточноевропейские страны оказались не вооруженными своей национальной идеологией? Думаю, ответ лежит на поверхности: ни одна из этих стран не владела теорией и тем более практикой цивилизованного рыночного хозяйства. Поэтому даже такие государства, как Венгрия и Югославия, имевшие за плечами 25—30-летний опыт реформирования, обратились к западным идеологическим источникам.

Каковы же были идеологические источники трансформации? Прежде всего следовало бы упомянуть многочисленные варианты «социалистических экономических реформ» (от косыгинской реформы 1965 года до теорий Я. Корнай). Однако к концу 80-х годов в Восточной Европе были уже очевидны объективные ограничители этих теорий, связанные прежде всего с отрицанием политического плюрализма. Именно поэтому они оказались невостребованными после «бархатных революций» 1989—1990 годов, когда на повестку дня встала совершенно иная задача — преобразования (смены) системы. В СССР же на начальном этапе преобразований вплоть до 1990—1991 годов доминирующей была именно идеология «социалистического реформирования». Но наша страна как бы «пробежала» дорыночный этап преобразований всего за 5—6 лет, тогда как в других постсоциалистических странах на это ушло два десятилетия.

Лишь «шоковую терапию» Е. Гайдара можно рассматривать как попытку преобразования (смены) системы, но она оказалась слишком кратковременной, ограниченной и незавершенной. До сих пор в России признаются равноправие всех форм собственности, приоритет смешанной экономики, запрет на продажу земли и другие ограничения. Все это свидетельствует, что проведенные у нас преобразования так и не достигли степени, исключающей возврат к той или иной

форме социалистического хозяйствования, внешнеэкономической переориентации. Нерешенность главных вопросов — о власти и кардинальном преобразовании системы — порождает характерный для России «идеологический калейдоскоп» (выражение Вад. Радаева), и в случае победы левых сил на выборах 1995—1996 годов вполне возможна реанимация того или иного варианта «социалистического экономического реформирования».

Западные идеологические источники процессов трансформации, воспринятые постсоциалистическими странами, хорошо известны. Это неолиберализм (монетаризм), неокейнсианство, институционализм. Заметное влияние оказала и возникшая на рубеже 80—90-х годов транзитология — идеологическое направление, предлагающее концепции по трансформации развивающихся, а также бывших социалистических обществ в современные рыночные. При этом утверждалось, что «догоняющие» страны лишь повторяют в своем развитии путь передовых рыночных государств, а потому к ним применимы закономерности, характерные для последних.

Разумеется, влияние всех этих течений не проявлялось в практике преобразований Восточной Европы в таком же чистом виде, как в теории. На разных этапах реформ доминировала то одна, то другая теория, часто происходило комбинирование идей. Так, начало рыночной трансформации проходило под флагами «шоковой терапии» и идей монетаризма. Вспомним Л. Бальцеровича в Польше, В. Клауса в Чехии, Е. Гайдара в России. Однако затем всюду произошло ослабление позиций неолибералов-монетаристов и отнюдь не из-за их непрофессионализма, а по более глубоким причинам. К ним я бы отнесла прежде всего отсутствие среднего класса, являющегося социально-экономической базой, носителем либеральных идей. Кроме того, западные неолиберальные теории недостаточно учитывали реальное положение постсоциалистических стран, а потому абстрактные рекомендации нередко оказывались неадекватными действительности. Не могло также не сказаться и то обстоятельство, что и на Западе рубеж 80—90-х годов оказался временем ослабления позиций неолиберализма. С политической сцены ушли такие яркие его проводники, как М. Тэтчер и Р. Рейган. Но главное, думается, в том, что для всех восточноевропейских стран, и прежде всего для России, оказалась неприемлемой навязываемая Западом «догоняющая стратегия». Это побуждает все постсоциалистические страны к поиску своих стратегий развития.

Среди особо ярко проявившихся «нестыкочек» заимствованной идеологии и постсоциалистической реальности можно выделить, во-первых, недостаточное воздействие этой идеологии на приватизацию. Всюду тотальный характер огосударствления оказался труднопреодолимым. В результате массовой приватизации появился обширный негосударственный сектор, которому государство покровительствует в ущерб более эффективному новому частному сектору. Во-вторых, монетарная, бюджетная рестрикция оказалась в восточноевропейских странах совсем не такой эффективной, как в латиноамериканских.

В-третьих, западные расчеты не учитывали особенностей структур потребления в постсоциалистических странах. Например, в Бразилии рост цен, связанный с проведением неолиберальных реформ, не сказался сильно на отношении к ним населения потому, что 70% потребления там связано не с рынком, а с натуральным самообеспечением. В России же, напротив, самообеспечение населения было на низком уровне. В результате высокая инфляция болезненно коснулась подавляющего большинства граждан. С этим же связана необходимость поиска особых подходов к стимулированию спроса, накопления и т. п. Кроме того, теории «догоняющего развития» не учитывали значения проблем социальной защиты в постсоциалистических странах в отличие, например, от африканских и латиноамериканских государств. Ущемление этой сферы в ходе реформ также весьма болезненно воспринято населением. Наконец, хронический бюджетный дефицит, атавизм многолетней практики дискриминации частной деятельности особенно

обострили проблему накопления и капитализации доходов. Заимствованные теории здесь не смогли дать адекватный ответ.

В результате под воздействием названных и других факторов сегодня в странах Восточной Европы снижается влияние западной идеологии. Ослабляется острота противостояния сторонников «шока» и постепенности развития. Проблема разрешилась как бы сама собой в пользу постепенности под влиянием не столько идеологии, сколько хозяйственно-политических задач. И сегодня, не отрицая значения западной идеологии, всем восточноевропейским странам и, разумеется, России пришло время на основе накопленного опыта приступить к формированию своей идеологической доктрины перехода. В ее рамках, по-моему, следовало бы попытаться разрешить две проблемы. Первая — насколько совместимы одновременное осуществление преобразований и стабилизация. Вторая — обосновано ли во всех случаях рассмотрение стабилизации как составной части трансформации. Например, опыт Чехии, Венгрии, стран Прибалтики, отчасти Польши, где отмечены наименьший спад производства, относительно низкая и кратковременная инфляция, показывает, что стратегия стабилизации здесь не обязательна, в отличие от России и стран СНГ, Болгарии, Румынии. Здесь линия идеологического раздела проходит по вопросам: как, в какой последовательности проводить стабилизацию? Думаю, независимо от либеральной, социальной или национально-патриотической риторики именно вокруг этих и подобных вопросов будет идти поиск «российской» или «восточноевропейской» модели трансформации.

М. Дерябина. По моему мнению, краеугольным камнем новой идеологической доктрины является, по существу, признание примата частной собственности. Непоследовательность в этой сфере оборачивается серьезными идеологическими срывами. Так, боязнь открыто построить идеологическую ось рыночных реформ привела к подмене конструктивной, консолидирующей идеи общественно приемлемыми, понятными и привычными для большинства, но, по сути, лукавыми лозунгами. Первый, ваучерный, этап приватизации проводился у нас под лозунгами социальной справедливости, равенства шансов на получение доли общественного богатства. Население было сориентировано не на реструктуризацию капитала, а на дивиденды с него, что в итоге ничего, кроме раздражения и разочарования, принести не могло.

Второй, денежный, этап рекламируется как шаг в «инвестиционное будущее», ведущий к повышению эффективности благодаря притоку капиталов реальных инвесторов. Сегодня, спустя год после начала этого этапа, зреет недоумение даже искушенных руководителей по поводу отсутствия инвесторов и инвестиций. Начались «разборки» менеджмента с инвесторами, не желающими платить. Но ведь очевидно, что пока рынок ценных бумаг обслуживает прежде всего короткие или длинные спекуляции владельцев акций, которые совсем не спешат вкладывать средства в производство. Серьезный инвестор все еще стоит в тени, ожидая времен, когда его права собственника будут надежно и цивилизованно защищены. Таким образом, ущербное идеологическое обеспечение самого главного направления реформ — приватизации — оборачивается сдерживанием трансформации отношений собственности. «Инвестиционное будущее» не может состояться без действительного прорыва в идеологии.

Сегодня же самым опасным для нас результатом идеологического лукавства оказывается формирование слоев и группировок, использующих недосказанность, несовершенство идей и практических мер в собственных интересах. Приспособившись к двойному стандарту, они будут всеми силами сопротивляться попыткам перевода процессов становления частного капитала в более прямое русло. Поэтому продолжение прежней линии в деле идеологического обеспечения реформ означает для них серьезную угрозу. С помощью той или иной политической тактики надо подвести общественное сознание к преодолению главного идеологического барьера. При этом, как мне представляется, основное внимание

должно быть сосредоточено на трех положениях. Прежде всего люди должны усвоить простую мысль, что все они не станут капиталистами, но это для них не катастрофа. Не быть собственником капитала — отнюдь не значит превратиться в люмпена. Возможности для достойного существования должны дать нормальная оценка и оплата профессионального честного труда. С этим связано второе положение новой идеологической доктрины. Параллельно с правовым режимом частной собственности (а по ряду узловых вопросов — превентивно) должен прорабатываться правопорядок наемного труда во всей полноте. Трудовое и социальное законодательство закладывает основы не противостояния труда и капитала, а их сотрудничества и партнерства.

Наконец, третий аспект новой идеологии должен акцентировать внимание на невозможности быстрого формирования среднего класса в результате приватизации. Этот процесс неотделим от эффективной государственной политики доходов, способствующей сглаживанию социального противостояния, созданию новых рабочих мест, договоренности с работодателями и т. п. Думаю, затягивание с разработкой новой идеологической доктрины вполне может повлечь под удар реформы, уже оплаченные высокой социальной ценой.

И еще об одном. Российские власти нередко критикуют за то, что в результате реформ создается экономика «третьего мира». Если применительно к производству это спорно, то по отношению к распределению доходов и к жизненному стандарту данный упрек справедлив. Складывается очевидное противоречие между масштабами и качеством национального капитала и уровнем благосостояния большей части населения. При этом ряды «новых бедных» пополняют профессиональные рабочие, интеллигенция, работники бюджетной сферы, т. е. отнюдь не люмпены. В свою очередь, эта вновь формирующаяся социальная структура оказывает обратное воздействие на общественное сознание, тормозит и деформирует процесс свободного правового становления частной собственности на капитал, увеличивает основной идеологический барьер. Идет постоянное соревнование в скорости процессов, с одной стороны, медленного, фрагментарного утверждения частной собственности, перемалывающего нормальную социальную активность, и с другой — разрастания идеологического вакуума, общественного недовольства и деградации социальной структуры.

П. Кулигин. В связи с только что высказанными соображениями о недостатках в идеологическом обеспечении приватизации я бы хотел затронуть еще один аспект роли идеологии в процессе реформ. Я имею в виду качество самой идеи. Ведь в принципе идея может быть кратко- или долгосрочного действия, верная или ложная для данных условий, искренняя или лозунговая, демагогическая или популистская, «завиральная» или прагматическая и т. д. И часто, находясь в центре событий, совсем не просто определить ее истинное лицо. Ведь каждая крупная идея основывается на тех или иных трактовках процессов экономического развития, общественных и других интересов, призывает к укреплению или изменению организации и функционирования общественной и экономической жизни. Бесспорно, сильная идея способствует сплочению общества, консолидирует усилия в сфере экономики. Но важно, чтобы она была верной. Ложная идея заводит в тупик, провоцирует большие материальные и духовные потери. Не исключено также, что хорошая, верная идея не находит понимания и доверия в обществе. Это, как правило, происходит в тех обществах, которые не раз были обмануты «завиральными» популистскими идеями.

Обилие ложных идей и вызванное им недоверие к любым идеям вообще характерны для России. Не удивительна поэтому позиция известного экономиста Н. Шмелева, считающего современной ситуацией в стране таковой, что работать должна не какая-либо идея, а логика здравого смысла. Однако возможности здравого смысла отнюдь не безграничны, и экономику не построишь исходя только из него. В экономике есть бесчисленное множество самых разнообразных процессов, ближайшие и отдаленные последствия которых могут не совпадать. К

тому же само определение того, что есть «здравый смысл», во многом зависит от позиции рассмотрения, т. е. от теории, от идеи. Например, консерватор и радикал по-разному подойдут практически ко всем проблемам переходной экономики.

Потребность в хорошей идее или теории особенно велика в случаях исчерпания возможностей здравого смысла. И конкуренция идей идет постоянно. Однако важно не только найти хорошую идею, но и обосновать, объяснить ее, обеспечить ей достаточно широкую социальную поддержку. При этом поиск такой идеи обычно учитывает определенные ориентиры, прежде всего практический опыт и теоретические разработки как отечественного происхождения, так и зарубежные.

И. Буздалов. Разумеется, проводимая сейчас реформа имеет определенную идеологическую основу, поэтому все разговоры о «деидеологизации» носят по меньшей мере дискуссионный характер. Мало что доказывают и призывы к прагматизму, за которым всегда стоят вполне определенные идеи. Весь вопрос в том, насколько они научны, т. е. отражают объективные закономерности общественного развития. Одно дело, если идеологи политической системы выделяют псевдонаучную, утопическую идею экономического и в целом общественного развития, и совсем другое, если эта идея отражает объективную реальность, общечеловеческие ценности, зиждется на данных науки, на интересах человека, прежде всего создателя материальных благ. В таком случае мы имеем дело с идеологией реалистической направленности, а не с отсутствием идеологии.

Поскольку идеология реализуется через политику и в более прикладном плане — через систему интересов, которые у разных групп и слоев общества не совпадают, то и идеологическая концепция, например либеральной демократической направленности, не может всеми восприниматься однозначно и в тактическом плане не имеет единых подходов к реализации. Особенно наглядно это наблюдается при восприятии различными социальными типами крестьян, различными школами ученых-аграрников и группами управленцев сельского хозяйства идеологии современной аграрной реформы. Одни ратуют за фермерство, за разгосударствление и приватизацию, другие отстаивают общинные порядки, принципы обобществленного труда и социального иждивенчества. Эти столкновения находят отражение в принимаемых актах аграрного законодательства, изобилующих противоречивыми нормами, которые тормозят аграрную реформу.

В связи с такой ситуацией нередко заявляют, что у аграрной реформы нет научной концепции, четкой программы. Однако это справедливо лишь отчасти и не дает оснований для призывов к смене идеологии и общего стратегического курса реформы. Как ведущий идейный замысел концепция нынешней аграрной реформы является логическим продолжением начатого в 1861 году социально-экономического освобождения крестьянина от крепостной зависимости (сначала помещичьей, затем общинной и, наконец, колхозной). Таким образом, идеологический замысел и стратегический курс реформ основаны на реальных интересах крестьян, что бы ни говорили их «защитники». Другое дело — тактика, механизм, правовое обеспечение стратегического курса преобразования колхозно-совхозной системы, да и экономики в целом. Эти проблемы или решаются явно непрофессионально, или просто не решаются, что ведет к колоссальным экономическим и социальным издержкам.

Самым большим тактическим просчетом в проведении аграрной реформы является недооценка ее эволюционного характера, обусловленного здоровым консерватизмом и осторожностью крестьян, с опаской относящихся ко всем переменам в их жизнедеятельности. Спешка и хаотичность в государственной организации реформирования создали крайне напряженную ситуацию. Реформаторская деятельность «споткнулась» на медленном созревании социальной базы преобразований, а отсюда возникли сомнения в их общей идеологической направленности. Поэтому для защиты самой реформы и ее идеологии требуются серьез-

ная корректировка тактических решений, поиски взвешенных конструктивных механизмов поэтапной реализации намеченных целей.

Есть ли будущее у социализма?

Р. Евстигнеев. В мире исторически сложился определенный набор идеологий, группирующихся между двумя «полюсами» — тоталитарным (будь то коммунистический или фашистский) и либеральным (во всех разновидностях от классического до современного либерализма). При этом, на мой взгляд, «промежуточные» идеологии самостоятельного значения не имеют. Например, смешанная экономика лишь на первый взгляд не идеологизирована: в условиях «рыночного социализма» она носит ярко выраженный прокоммунистический характер, а в развитой рыночной экономике — пролиберальный. То же можно сказать и о государственнической (державной) или национал-патриотической идеологиях. Они **обретают особую окраску в каждом конкретном** случае, и было бы неверно противопоставлять их либерализму (вспомним хотя бы выступления либерала Б. Федорова). Также нет самостоятельного значения и у консерватизма: здесь все зависит от того, консервация каких отношений имеется в виду.

Своеобразное место в идеологических баталиях XX века занял социализм (социал-демократизм, «социальное рыночное хозяйство» и т. п.). Он тоже по природе своей несамостоятелен (вспомним «либеральных социалистов» начала века, с которыми сражался Ленин, или национал-социалистов в Германии). Но в отличие от других идеологий, социализм либерального толка после второй мировой войны приобрел «полюсное» значение, заняв освободившееся — будем надеяться, навсегда — место тоталитаризма.

В развитых рыночных экономиках в послевоенные годы маятник общественных отношений стал довольно ритмично раскачиваться между либерализмом и, когда усиливалась социальная напряженность, социализмом. Это движение, сопровождающееся постепенным сближением обоих полюсов, продолжается до сих пор. Победа левых сил в 1992—1994 годах в Литве, Латвии, Польше, Венгрии и Болгарии показала, что и эти страны начинают движение в рамках именно данного маятника, а не возвращаются к тоталитаризму.

В чем особенность описываемого маятника? По-моему, в том, что крайние точки его амплитуды не являются однопорядковыми. Внутренней движущей силой, рыночным «мотором» обладает только либерализм. Социалистические же элементы, вносимые в хозяйственный механизм (прежде всего большее равенство в распределении доходов), лишь помогают смягчать неизбежную остроту рыночных отношений.

П. Кулигин. Существовавшая в странах реального социализма административно-командная система с исчерпанием источников своего развития привела экономику и все общество к глубокому и всестороннему системному кризису. В странах Восточной Европы и СССР начался процесс ее отторжения. Не везде оно было достаточно полным и однозначным, но в целом сила отторжения была столь велика, что сдвиг к либерализму в ряде стран оказался явно завышенным.

Если в восточноевропейских государствах ориентиром является современная рыночная экономика западных стран, в России споры все еще продолжают. Предлагаются различные модели вообще или на переходный период: некая особая рыночная экономика для уникальных российских условий; переход по китайскому образцу; использование тех или иных западных моделей (немецкой, японской, шведской, англо-американской, французской и т. п.). Однако такие споры ведутся в рамках доктрин; объективный ход экономических процессов при этом учитывается не всегда. В пропагандистском плане наиболее привлекательной оказалась идея социально ориентированной рыночной экономики. При этом не всегда объяс-

няются суть данной конструкции и типовые условия, при которых ее можно реализовать.

Вопрос о приемлемости китайской модели в странах Восточной Европы вообще не дискутируется. Представляется, неприменима она и в России, ибо тут другой народ, другие традиции, другое соотношение социальных и политических сил. Нет такого большого по удельному весу (около 80%) крестьянского населения, нет такого, как в КНР, притока иностранного капитала (прежде всего от хуацяо — этнических китайцев, проживающих за границей).

Г. Аристов. Если исходить из позиций реализма, приемлемый для России путь может быть выработан не на основе умозрительных доктрин, а на базе прагматического подхода, приспособленного к конкретным отечественным условиям. В экономике и социальной политике страны не один век важнейшую роль играло государство, укоренялись корпоративные (социальные), а не индивидуалистические мировоззрения. Поэтому, с моей точки зрения, экономика России должна принять не либерально-рыночную, а социально-рыночную модель в ее российском (а не австро-германском, скандинавском или ином) варианте.

Я считаю, политической базой социально-рыночной экономики мог бы стать блок той части РКП, которая, похоже, эволюционирует в сторону социал-демократии и либералов-прагматиков. Подобное направление, кстати, прослеживается в ряде стран Восточной Европы и Балтии. Поскольку в России установилась авторитарная власть, следует использовать ее преимущества, помня, что это должна быть авторитарная власть (а не власть чиновников) и при необходимости (учитывая нынешний уровень преступности и коррупцию) она может быть и диктаторской.

В российской экономике переходного периода нужно покончить с ограблением сельского хозяйства через «ножницы» цен: надо либерализовать именно сельскохозяйственные цены при жестком контроле над монопольными ценами промышленности вплоть до их прямого государственного регулирования. Должен восторжествовать разумный протекционизм в рамках государственной структурной политики, а не нынешнее фритредерство, при котором наши импортные пошлины оказались самыми низкими в Европе. Должны быть ликвидированы неэквивалентности в обмене со странами СНГ и перекрыты пути утечки валюты на Запад. За этот счет, а не с помощью МВФ можно создать стабилизационный фонд и укрепить курс рубля. Такой подход я считаю левоцентристским без крайностей либерализма и коммунизма.

А. Нестеренко. Вернусь к высказанному Рубеном Николаевичем соображению об идеологическом маятнике. Не будем забывать, что российская история слишком противоречива. Вряд ли можно однозначно определить какую-либо экономическую идею, которая формировала бы хозяйственную жизнь нашей страны на протяжении хотя бы последних полутора-двух столетий. Но, вероятно, такой идеей можно было бы считать нечто среднее между государственным капитализмом и социализмом. Во всяком случае сейчас у нас явно сформировалась государственно-капиталистическая экономика, и есть очень мощные силы, заинтересованные в ее укреплении и развитии.

На практике, вероятно, в течение всего переходного периода будут происходить колебания между полюсами либерализма и госкапитализма. Возможно, затем у нас сформируется какая-то иная хозяйственная система, например социальная рыночная экономика. Но пока для этого слишком мало предпосылок. Колебания же между либерализмом и госкапитализмом имеют свои «плюсы» с точки зрения посткоммунистической трансформации. Либерализм более соответствует потребностям развития рыночных институтов, демонополизации и разгосударствлению экономики. Государственное же регулирование способно решать не менее важные вопросы структурной перестройки и социального развития. Хотелось бы при этом подчеркнуть, что и либерализм, и госкапитализм в переход-

ную эпоху выступают не столько как цельные доктрины, сколько как ценностные символы, отражающие набор определенных базовых ценностей. На основе этих идей возникают и развиваются экономические теории и разработки прагматического характера.

Л. Тягуненко. Нельзя не видеть, что во многих постсоциалистических странах сегодня сильна ностальгия по прошлому. Объясняется это тем, что переход к обществу «всеобщего благоденствия» оказался не таким легким и привлекательным, как хотелось бы. Радикальные изменения порождают серьезные проблемы, часто сопровождаются злоупотреблениями, поразительно схожими во всех странах. В то же время нельзя забывать, что несколько поколений в постсоциалистических государствах привыкли жить в условиях социальной стабильности. Несмотря на все недостатки и деформации, социализм принес народам ощутимые блага — право на труд, на отдых, на бесплатное образование и здравоохранение, не было столь неоправданной и жесткой поляризации доходов, явной незащищенности перед преступниками и мошенниками, как сейчас. Все это порождает недоверие к власти и к реформам.

Массы устали от разочарований, от невыполнения обязательств, от борьбы за «выживание», от общего падения нравственности, от криминализации общества и т. п. Поэтому социалистические ценности вновь начинают овладевать умами людей. Об этом, в частности, свидетельствуют существенные сдвиги в политической жизни стран Восточной Европы. В высших органах представительной и исполнительной власти появляется все больше бывших коммунистов, и уже никто не удивляется тому, что «левые» возвращаются к власти. Однако, как справедливо заметил Евстигнеев, победа «левых» сил не означает возврата к тоталитарному социализму. По-видимому, речь может идти о трансформации к новому типу социализма. Происходит возврат к социалистическим ценностям именно как к ценностям, а не к нередко печальному опыту их воплощения.

Лучшим доказательством жизнеспособности социалистических идей является то, что современный капитализм не может успешно развиваться, не используя и не «вживая в себя» элементы социализма. В тех постсоциалистических странах, где с этим не желают считаться, как правило, власти терпят поражение на выборах.

Либерализм в условиях переходной экономики

Р. Евстигнеев. В последние годы в мировой печати шумно обсуждается проблема коллапса либерализма, последовавшего вслед за коллапсом коммунизма. Называются, в частности, такие факторы подрыва его духовного господства в мире, как усиление фундаменталистских национально-религиозных течений, углубление социального неравенства и рост социальной напряженности, ограниченность политического словаря либерализма понятиями, выработанными еще в XVIII веке, и т. д. Из чего делается вывод, что «появилась насущная потребность выйти за рамки либерализма»¹.

Думается, этот вывод несколько поспешен. Выйти — но куда? Так, все предлагаемые в России альтернативы сводятся к восстановлению руководящей роли государства при отсутствии нормально функционирующего рынка, т. е., по сути, к регенерации старой системы. При всем желании такие предложения трудно отнести к реформистским. Гораздо убедительнее, на мой взгляд, звучат, например, слова В. Щербакова — бывшего первого заместителя председателя Кабинета министров СССР В. Павлова — о том, что он не видит никакого иного пути, «кроме как дальнейшая либерализация экономики»².

Никто не станет спорить, что во всем мире уже давно размыты объективные основы классического либерализма. Но на смену ему идет новый либерализм,

¹ «Contemporary Political Ideologies». London, 1993, p. 45.

² «Вопросы экономики», 1995, № 4, с. 37.

который характеризуется, во-первых, формированием мощной современной финансово-денежной системы, т. е. финансово-денежной централизацией, призванной заменить централизацию административную, а во-вторых, связанным с этим движением от «стадного» коллективизма — через усиление индивидуализма и раскрепощение личности — к новому коллективизму, построенному на самостоятельном творческом формировании общественных групп различного уровня и их гибком взаимодействии.

Г. Аристов. Применительно к условиям стран Запада я отношусь к либерализму с глубоким уважением, отдавая дань той положительной роли, которую он сыграл в их развитии. Однако к современному российскому либерализму у меня совершенно другое отношение. Свою доктрину вообще (и экономическую в частности) современные российские либералы не выстрадали и даже не выработали, а ограничились простым заимствованием идей западного и дореволюционного российского либерализма. Даже не пытаясь как-то модифицировать эти теории, они сделали их своим знаменем.

Думаю, объяснялось это рядом причин. Во-первых, в период правления КПСС даже те скудные зачатки либерализма, которые имелись в дореволюционной России, были выкорчеваны, и современные российские либералы оказались лишенными национальной основы своих идей. Во-вторых, нельзя забывать, что большинство из них вышло из привилегированных слоев «социалистического» общества, оторванных в той или иной мере от жизни и проблем основной массы населения. В-третьих, вышедшие из шинели «марксистско-ленинской науки» в большинстве своем оказываются просто не приспособленными к генерации новых идей, а лишь к воспроизведению уже выработанных. Сказывается практика долгих лет, когда мертвые догмы марксизма можно было лишь истолковывать, но никак не развивать, а тем более не выдвигать альтернативные идеи. В итоге путь простого восприятия идей западного либерализма оказался привычным: просто один образец был сменен другим. В-четвертых, сказалась воспитанная долгими годами тоталитаризма мораль насилия и правового нигилизма, допускающая утверждение силой своих идеалов.

Ясно, что такие либералы не могут иметь сколь-нибудь серьезной социальной базы в России. Их приход к власти обусловлен осуждением большинством населения прежней системы, а не пониманием и одобрением им идей либерализма и тем более желанием жить и действовать в соответствии с этими идеями. Соответственно, политические формы организации либералов оказались очень слабыми, серьезных партий они так и не создали. А без такой базы идеи либерализма можно только навязывать, используя политическую власть.

Средний класс — социальную базу либерализма — за несколько месяцев создать невозможно. Единственное, что можно сделать за такой срок, — создать массу чиновников и мафию. Это и было сделано либеральной командой: по данным Г. Явлинского, за 1992 год число чиновников выросло в пять-шесть раз. Именно тем обстоятельством, что либеральной команде чиновники нужны были прежде всего как социальная база, а уже потом как инструмент управления, объясняется тот, на первый взгляд, удивительный факт, что за эти годы качественный уровень чиновничества резко снизился. Мне видится какое-то историческое проклятие российского либерализма: пытаясь реализовать свою доктрину, он ни шагу не может ступить без своей единственной социальной базы — чиновников и мафии, но именно эта база никогда не позволит всерьез осуществить идеалы либерализма.

Объективная причина банкротства либерализма в России — полное отсутствие социальных, экономических, политических предпосылок для реализации подлинно либеральных идей. Нищета подавляющего большинства населения и противостоящее ей огромное богатство «верхних ста тысяч» нуворишей при ничтожно узком слое так называемого «среднего класса» лишают либерализм у нас социальной базы.

Л. Тягуненко. Я хотела бы также напомнить, что реформаторы во всех постсоциалистических странах положили в основу своих преобразований не современные неolibеральные идеи, а традиционные представления либерализма XIX века. Но именно эта идеология, будучи реализованной, ведет к резкому социальному расслоению, к росту социальной несправедливости, а в области политики — к ограничению демократии, к созданию общества «демократии для меньшинства». В результате во всех постсоциалистических странах на смену государственной монополии приходят частные, бесконтрольно взвинчивающие цены в поисках максимальной наживы. Рыночные отношения принимают варварскую форму. При этом всюду (кроме Чехии и Польши) отмечается если не застой, то резкое падение производства, рост безработицы и снижение жизненного уровня.

А. Нестеренко. С только что сказанным я не могу согласиться. В целом вопрос о либерализме в посткоммунистический период слишком большой и сложный. Ответить на него (положительно или отрицательно) — значит создать основы **теории посткоммунистической трансформации** экономики. Это один из фундаментальных вопросов науки о переходном периоде, и он требует очень глубокой проработки.

По моему мнению, наиболее эффективной идеологией для периода посткоммунистической трансформации является либерализм. Точнее, определенный комплекс ценностей — экономическая свобода, самоорганизация общества и экономики, ограничение государственного вмешательства и т. п. Такое уточнение важно потому, что либерализм, как и большинство крупных идейных течений, сложен и многообразен и фактически представляет набор определенных ценностных установок, на которые «наращивается» идейное содержание, различное в разных условиях. На мой взгляд, либерализм в наибольшей степени соответствует потребностям переходного периода, так как это самая «экономически ориентированная» идеология, открывающая наибольший простор для хозяйственной деятельности.

И. Буздалов. По-моему, суждения о непримиримости российской реальности и либеральных идей сильно преувеличены. Так, важнейшим слагаемым успеха аграрной реформы является не просто устранение монополии государства на землю, а реализация основного идеологического замысла реформы — передачи земли в собственности непосредственным производителям с прочным экономическим и правовым закреплением данной собственности. Этого еще не произошло, и в аграрной реформе преобладают пока внешние изменения, что вполне естественно, учитывая реальное созревание социальной базы реформы, степень психологической готовности подавляющей части крестьянства к реальным переменам.

Достижением аграрной реформы является действительное обретение сельским товаропроизводителем экономической свободы и самостоятельности, о чем мечтали труженики села долгие годы административного диктата. Но когда говорят, пусть крестьяне сами выберут приемлемую форму хозяйствования в нынешней ситуации, при нынешнем рыночном профессионализме — это, скорее, доброе пожелание. Во-первых, менталитет бывших трудовых коллективов совхозов и колхозов значительно отличается в зависимости от общего развития их экономики, состояния социальной сферы. Во-вторых, в рамках одного хозяйства отношение к общей идеологии реформ и, соответственно, пристрастие к той или иной форме жизнедеятельности также существенно различаются даже у руководителей. Преодолеть перепутье в аграрной реформе — значит согласовать общую идеологическую направленность реформы и выражающие ее аграрную политику и тактику преобразований с реалиями жизни и возможными перспективами их развития. То есть идеология либерализации и демократизации аграрной экономики, деколлективизация сельского хозяйства в тактическом пла-

не требуют поэтапного и дифференцированного подхода при последовательном экономическом и законодательном закреплении стратегического курса реформы, исключающем реанимацию отжившей идеологии и неокommунистических порядков в деревне.

Р. Евстигнеев. В заключение нашего обсуждения позволю себе высказать собственное убеждение. Думаю, именно либерализм еще долго будет определять прогрессивное развитие общества, идя время от времени на уступки социализму («социальному рыночному хозяйству»). Похоже, что Россия вошла сейчас в полосу такого вынужденного «отступления», и в этом смысле она ничем не отличается от других постсоциалистических стран. Единственное ее отличие — не до конца преодоленная опасность возврата (пусть даже кратковременного) к авторитарным порядкам. С этим связана актуальнейшая задача недопущения такого шага.

Но это — область политики, не являющейся предметом нашего обсуждения. Мы лишь попытались выявить идеологические основы хозяйственной реформы. Задача же реформаторской политики заключается в соединении объективной потребности в либеральных преобразованиях с их социальной базой. Искусство политика состоит в том, чтобы, не навязывая насильно обществу изменения, суметь в то же время избежать покорного следования в хвосте событий. К сожалению, пока это плохо получается. В том числе — а может быть, в первую очередь — из-за отсутствия ясной теоретической концепции реформ.

© Н. Плискевич, 1996